

УДК 821.161.1

ФИЛОСОФСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Ф.И. ТЮТЧЕВА И ИХ ПРОЕКЦИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рубцова Е.В.

*ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», Курск,
e-mail: rubcova2@mail.ru*

В статье проводится анализ публицистического наследия Ф.И. Тютчева, в результате которого делаются следующие выводы. Характер тютчевской историософии, отраженной в публицистических текстах, предопределен рядом обстоятельств: сложностью и противоречивостью общественно-политического фона 1850-1860 гг., непростыми обстоятельствами судьбы самого мыслителя, включая жизнь в Европе и дипломатическую службу. Ф.И. Тютчев-публицист испытывал влияние общественно-политических взглядов и идей славянофилов – преемников Любомира, но, вместе с тем, он обладал внутренней свободой мысли. В статье анализируется сотрудничество Тютчева со славянофильскими изданиями «Русская беседа», «День», «Москва», с главным редактором И.С. Аксаковым. В оценке любого события Тютчев самостоятелен, как критически оценивая точку зрения единомышленников, так и замечая рациональное звено в суждениях оппонентов. Благодаря этому публицист прозорливо просчитывает перспективу внутренней и внешней политики России. Убежденный монархист, Тютчев критически оценивает политику Николая I, видя в ней неосознанное предательство национальных интересов России, один из факторов распространения чуждых ему революционных идей и движений. Несмотря на то, что Тютчев служил цензором, долгий период возглавлял Комитет иностранной цензуры, он был последовательным сторонником свободы слова и совести.

Ключевые слова: Ф.И. Тютчев, публицист, славянофилы, политика, национальный интерес

PHILOSOPHICAL AND POLITICAL VIEWS OF F. I. TYUTCHEV AND THEIR PROJECTION IN JOURNALISM AND PUBLIC ACTIVITIES

Rubtsova E.V.

Kursk State Medical University, Kursk, e-mail: rubcova2@mail.ru

The article analyzes journalistic heritage F. I. Tyutchev, in which the conclusions are the following. Type of Tyutchev's historiography, which is reflected in publicistic texts, is determined by several factors: complex and contradictory socio-political background of 1850-1860s, difficult circumstances, the fate of the philosopher, including life in Europe and the diplomatic service. F. I. Tyutchev as a writer was influenced by the socio-political views and ideas of the slavophiles, but, however, he possessed an inner freedom of thought. The article analyzes Tyutchev's cooperation with the slavophile magazines and newspapers «Russian conversation», «Day», «Moscow», whose chief editor I. S. Aksakov. Analyzing events, Tyutchev was objective to the views of both his associates and opponents. Thanks to this fact, the publicist foresees the future domestic and foreign policy of Russia. As a staunch monarchist, Tyutchev is critical of the policies of Nicholas I, seeing it as an unconscious betrayal of national interests of Russia, one of the reasons of spreading alien revolutionary ideas and movements. Despite the fact that Tyutchev served as a censor (for a long period he headed the Committee of foreign censorship) he was a consistent supporter of freedom of speech and conscience.

Keywords: F.I. Tyutchev, publicist, slavophiles, policy, national interests

Усиливающийся сегодня интерес к проблеме исторического пути России актуализирует опыт публицистики прошлого, в том числе и Федора Ивановича Тютчева. Цель данной работы – дать системное описание публицистических воззрений Ф.И. Тютчева в соотношении с внутренними и внешними социально-политическими событиями 1850-1870-х годов и его службой на дипломатическом поприще. Основные задачи состояли в том, чтобы: проанализировать связь его публицистических выступлений с идеологией раннего славянофильства; систематизировать данные об общественно-политических взглядах поэта; охарактеризовать его взгляды на цензуру и свободу печати; проанализировать тематическое своеобразие публицистических выступлений разных лет; выявить значение его публицистического

опыта для развития русской общественной мысли в целом.

Один из авторитетных исследователей общественно-политических взглядов Ф.И. Тютчева, В.А. Твардовская отмечает значительность расхождений в оценке его публицистики: «от определения Тютчева как «идеолога самодержавия и апостола всемирной теократии» до утверждения, что поэт «глубоко презирал самодержавно-крепостническую систему, предвидя ее неизбежный крах», а «его консерватизм не был лишен черт стихийной революционности» [3]. Но несмотря на пробелы и сложности в изучении политического мировоззрения, большинство исследователей Тютчева сходятся в утверждении, что рассматривать его взгляды следует в соотношении с контекстом славянофильского движения.

В начале XX века, когда славянофилов отнесли к реакционному крылу русской мысли, оценка их наследия чрезмерно тенденциозна. Только в конце 1960-х годов отношение к тютчевской публицистике, к тому пониманию истории и национальных традиций, взаимоотношений России и Европы становится более заинтересованным. Среди современных авторов, интерпретирующих вопросы развития славянофильско-ориентированной публицистики, – В.В. Кожин, И. Виноградов, В.А. Кошелев и др.

В последние годы сформировался внушительный массив исследовательской литературы. В нем выделяются исследования А.Н. Понкратовой, статьи В.А. Твардовской [3], Р.А. Лэйна [2], С.С. Лабанова [1]. Наличие этих работ, тем не менее, не исключает востребованности предпринятого исследования, так как публицистика Ф.И. Тютчева будет рассматриваться с учетом общественно-политических реалий 2013-2015 годов.

Ключевая идея славянофильства, помним, – представление об исключительной роли России в мировом цивилизационном процессе. Вместе с Константином и Иваном Аксаковыми, А. Хомяковым Ф.И. Тютчев как в поэтической форме, так и в виде прямого публицистического наставления участвует в оформлении славянофильской доктрины, обосновывает своеобразие, уникальность (в сравнении с Европой) путей российской истории. И это тем необычнее, что значительную часть жизни мыслитель проводит вдали от родины, на собственном опыте сравнивая жизнь в России и Европе.

Тютчева иногда называли «русским выходцем из Европы», намекая на то, что он с ней был связан службой, местом жительства, духом и родством (обе его жены иностранки). Восприимчивость к достижениям европейского прогресса сочетались в нем с исключительной чуткостью к судьбе России.

В.А. Твардовская оспаривает мнение И.С. Аксакова, считавшего, что жизнь за рубежом отдалила Тютчева от России [3], напротив, «в мыслях Тютчева Россия всегда занимала огромное место... связи с Родиной никогда не прерывались: Тютчев регулярно переписывался с родными, много читал из русской истории и литературы. Россия, в ореоле славы недавних побед над наполеоновской армией, представлялась ему могучим исполином...» [3].

Публицистические выступления Тютчева европейского периода были очень близки к раннему славянофильству, причем в его либеральном варианте. Прежде всего, отметим то, что Тютчев видит в России будущую основу союза славянских народов, который тем более значим, что это объединение – едва

ли не единственная альтернатива надвигающимся с Запада революциям. При этом он нисколько не сомневается, что этот замысел соответствует духу и намерениям всех славянских народов: «Истинный панславизм, – в массах, он проявляется в общении русского солдата с первым встретившимся ему славянским крестьянином, словаком, сербом, болгаринном и т.п., даже мадьяром. Все они солидарны между собой по отношению к немцу» [4, с. 222]. При этом Тютчев решительно отрицает возможные националистические и агрессивные стороны панславизма.

Написанные полтора века назад его статьи во многом совпадают с современными дискуссиями о единой Европе. Его «панславизм» предполагал объединение с целью сопротивления угрозам османизации, культурной и политической агрессии мусульманского мира.

Европейская печать направила против Тютчева целый шквал обвинений в новых имперских амбициях, видя за его идеями стремление России расширить пределы своего могущества за счет подчинения, покорения славянских народов, предвещая, что они неизбежно превратятся во «второстепенные» нации, рабов самодержавия. Тютчев отвергал подобного рода предположения категорично и последовательно. Россия, утверждал он, несет исключительно духовное возрождение. Надо отметить, что впоследствии взгляды Тютчева несколько изменились, и он не исключал возможности занятия русской армией некоторых славянских земель [4, с. 325].

При этом, несмотря на очевидную близость мысли Тютчева ключевым идеям славянофильства, сам мыслитель не относил себя к кружку славянофилов и не разделял характерную для славянофильства идею национальной обособленности России от европейской истории, убежденности в том, что она «не причастна ни к европейскому добру, ни к европейскому злу» [3].

Славянофильская основа политических взглядов Ф.И. Тютчева и обстоятельства семейного характера (в середине 1860 Тютчевы ближе сходятся с Аксаковыми, так старшая дочь поэта становится женой И.С. Аксакова) предопределили тот факт, что из всех русских периодических изданий того времени он чаще и охотнее всего сотрудничал именно со славянофильской прессой: «Русская беседа», «День», «Москва», «Москвич».

Так, в 1857–1859 гг. стихи Тютчева регулярно появляются в «Русской беседе». Говоря о сотрудничестве Тютчева с «Русской беседой», отметим, что Тютчев выступает в журнале в первую очередь в литературном

отделе. Здесь поэтически осмысливались широко обсуждаемые в тот момент темы: Крымская война, ее цели и страшные следствия, тема судьбы народа, да и в широком смысле тема Судьбы России.

В мае 1858 года, когда крестьянский вопрос волновал русскую общественную мысль, Тютчев поместит в «Русской беседе» социально-политическое стихотворное размышление, очень актуальное на тот момент: «Над этой темною толпой / Непробужденного народа / Взойдешь ли ты когда, Свобода...».

Как видим, здесь явно звучат мотивы ожидания скорого освобождения крестьян, а учитывая, что в это время уже развернулась деятельность Секретного комитета по подготовке реформы, можно предположить, что вопрос отмены крепостного права поэт считает уже решенным. Его интересует то же, что беспокоило всю прогрессивно настроенную журналистику тех лет: насколько реальной окажется эта свобода, на каких условиях будет разворачиваться крестьянская реформа.

В отличие от радикально настроенной публицистики, интересовавшейся в первую очередь экономической составляющей крестьянской реформы, Тютчев размышляет о внутренней готовности масс к свободе, которая тоже может быть тяжелым испытанием для народа, унаследовавшего от веков крепостничества множество «старых, гнилых ран, рубцов насилия и обид», «растленье душ и пустоту». Мыслитель справедливо полагает, что это наследие крепостничества изжить простым указом или правительственным распоряжением не удастся. При этом ни правительство, ни землевладельцы не могут в полной мере помочь одолеть «рабскую психологию».

Еженедельная газета «День» начала выходить 15 октября 1861 года. Редактирует ее вновь И. Аксаков. В переписке Тютчева и Аксакова можно найти многочисленные свидетельства того, что общая концепция этой газеты была близка Тютчеву.

Для Тютчева очень значима была близость с Аксаковым в отношении свободы мнений, тем более что он повсюду (как в административных кругах, так и в литературной среде) видит пренебрежение таким фактором гражданского роста общества, политического прогресса, как свобода печати.

Позиция Тютчева в этом вопросе и сегодня выглядит удивительно актуальной. Особенно если посмотреть на следствия давления на оппозиционные движения и медиаресурсы. И в наше время во многом верным остается тютчевское мнение, что «система предостережений присвоила себе безграничную юрисдикцию по всем вопро-

сам – и решает, как ей угодно, все познаваемое и изглаженное... и все эти нравственные чудовищности и вопиющие нелепости проявляются у нас с таким милым детским простодушием» [7].

Еще одна газета, поддержанная Ф. Тютчевым, – «Москва» также выходила под редакцией Аксакова. Из многообразия тем, разрабатываемых новой газетой Аксакова (а по большей мере они касались все-таки внутренней экономической политики русского правительства), Тютчев сосредотачивает свое внимание на темах гласности, в том числе открытости судебного делопроизводства, вопросах развития земства и, главное, на проблемах внешней политики России.

Центральный вопрос, на котором фактически сконцентрированы его публицистические интересы, все тот же – славянский. В убеждениях Тютчева в это время произошли изменения. Но, по определению Б. Тарасова «тютчевский «политический панславизм» все более уступал место «панславизму духовному». Основу объединения он видит в общей культуре, языке (русском), православии, во «взаимной необходимости в этом союзе, оплоте против чужеземных завоевателей и притязаний католицизма» [3].

Тютчев вслед за славянофильской прессой поддерживал призывы министра иностранных дел Горчакова к выходу России из политической изоляции, ликвидации Парижского трактата, к усилению влияния России на Балканах [3]. Характеризуя современную ему внешнюю политику как миролюбивую и соответствующую национальным интересам России, Тютчев считал, что ее непрерывно надо популяризировать в прессе, в обществе. Газете Аксакова, рассчитанной и на «верхи», отводилась особая роль. Публицист склоняет редактора к тому, чтобы «налечь всей силой убеждений» на внешнеполитическую проблематику, подталкивая к их решению русскую дипломатию. И Аксаков, как правило, соответствовал этому «запросу». К примеру, газета занимала протютчевскую позицию в отношении неприятия наполеоновской Франции, обосновывая необходимость ориентации на Пруссию и др.

Хотя, подчеркивая сходство публицистических оценок Ф.И. Тютчева и идейной концепции газеты И. Аксакова, не следует игнорировать и явного их расхождения. К примеру, Тютчев и Аксаков не сходились в отношении политики в Прибалтике, в вопросах роли русского языка в будущем панславянском государстве и др.

Правительство демонстрирует в отношении славянофильских изданий такую же негибкость, как и с демократической перио-

дикой, не признает никаких отклонений от генерального курса самодержавия. За два года существования «Москва» получила девять предостережений, трижды приостанавливалась и, наконец, в феврале 1868 г. была прекращена [7].

Парадокс в том, что Тютчев и Аксаков – искренние союзники монархического строя, оказались невострепованными и непонятными государственными идеологами [3]. Но их деятельное сопротивление давлению на свободу мнений, слова, печати, характерное для обоих, делало их единомышленниками и обеспечило стабильное сотрудничество.

Самостоятельность публицистической позиции Ф.И. Тютчева проявилась в оценках внутренней и внешней политики России. Публицист всегда очень внимательно следит за информационной повесткой дня, и его оценки, как правило, корректировались представлением об особой роли России. Один из серьезных просчетов информационной политики русского правительства он видит в изоляционистской позиции, в последовательном стремлении формировать образы «внутреннего» и «внешнего» врага. По мысли Тютчева официальная печать слишком дистанцировалась от европейской общественной мысли.

Критично Тютчев оценивает все действия монархии в период Крымской войны. Поражение России ему кажется трагической неизбежностью, которую не смогли предугадать правительственные верхи. События войны во многом развеяли утопические представления о правительственной политике, которые были свойственны Ф. Тютчеву до 1848 года. Война выявила извечный русский конфликт: с одной стороны, жертвенность, самоотверженность народа, героизм и мужество воюющих, с другой – фактическое предательство национальных интересов верховной властью. Эту мысль Тютчев прямолинейнее всего выразит в поэтических строках эпитафии Николаю Первому: «Не Богу ты служил и не России...»

Для Тютчева очевидно, что вслед за провалами во внешней политике может последовать столь же тяжелое осложнение положения внутри страны. Главная претензия, предъявляемая им к верхам, это отношение к собственному народу как к вечному несовершенному, которого надо от всего ограждать.

Как и многие современники, Тютчев колоссальные надежды связывал с новым самодержцем – Александром Вторым. Знавший о его реформаторских амбициях, он горячо их поддерживал. Особенно важными он считал подвижки в крестьянском вопросе, видя в них необходимые шаги к возрождению внутренней мощи Отечества [3].

В 1856-1860-е годы взгляд Тютчева на общественно-политическую повестку дня выражен наиболее полно, хотя основным средством позиционирования его убеждений выступает поэзия.

Как и многие современники, Тютчев не сомневается, что страна подошла к порогу масштабных, радикальных перемен. Но ни на одну из активизировавшихся общественных сил он не возлагает надежд. Революция для него неприемлема. Позиция либеральной оппозиции также от него далека. Все его реформаторские чаяния связаны с верховной властью, от нее он ждет пробуждения и сознательных поступков. А между тем видит только бессилие правительства.

Четкое представление о кризисе самодержавной власти вынуждает Ф.И. Тютчева резче и категоричнее отзываться о нравственном состоянии и интеллектуальном уровне людей у трона. Пусть не в открытой печати, но в переписке он дает беспощадные характеристики тем, кто в общественном сознании олицетворял сущность власти: Николая Первого, П.А. Шувалова, П.А. Валуева и др. [6:Т.2., с.186].

Вероятно, для Тютчева очень важна была мысль о личной ответственности каждого думающего человека и тем более человека, наделенного властью, за судьбы Отечества. Иначе чем объяснить такую строгость оценок людей власти при несомненной уверенности, что основы самодержавия, сложившиеся принципы власти по-прежнему должны оставаться вне критики. Тютчевский идеализм заставляет его верить, что если правительство проникнется национальными интересами, станет на прогрессивные позиции – то его политика, не меняя сложившегося уклада жизни, станет другой, соответствующей народным интересам.

Именно поэтому мыслитель, используя как возможности поэтического слова, так и средства печати, старается убедить правительство в необходимости перемен «сверху», прояснить первостепенные задачи внутренней и внешней политики, «осовременить» самодержавие, призвать власть к ответственности.

Как и многие его предшественники, идеализировавшие монархию, Тютчев разграничивает деятельность правительственных чиновников, самодержавного аппарата и саму идею самодержавия. Что сильнее: «русский ли царь или петербургские чиновники», кто одержит верх: тот, кто должен править или те, «путает Россию, а не правит ею» – вот вопросы, которыми задается публицист [5].

Вполне современно звучат размышления публициста о коррупционности и неу-

кротимой тяге к паразитизму, свойственных русскому чиновничеству, о том, что верхи далеко не всегда осведомлены о том, что происходит на местах. Фактически Тютчев говорит о двоевластии – «верховой власти самодержавия, не ведающего, что творят его министры и чиновники, и «клики» чиновников и министров, орудующей вопреки высшей воле «помазанника божьего» [5].

Открытый критицизм по отношению к тем, кто злоупотребляет своим государственным положением, необходим. Печать должна быть свободнее в суждениях о людях власти с тем, чтобы не расшатывать, а именно укреплять существующий строй, служить на пользу государству. Любая власть требует конструктивной критики, обновления, а в политике русского самодержавия все чаще чувствуется пристрастие к лжестабильности.

Отмечает мыслитель и растущую бездуховность власти, ее ханжеское отношение к православию (его духу), кризис идеологии, падение морального авторитета власти, бесознательную боязнь идейных дискуссий,

пристрастие к ограничительно-репрессивным мерам. Но даже в этом Тютчев видит не проявление сущности самодержавия, а отклонения от нее. Это позволяет нам отнести Тютчева, несмотря на последовательную критику внутренней и внешней политики, чиновников, к публицистам имперской направленности.

Список литературы

1. Лабанов С.С. Политическая философия Ф.И. Тютчева: Автореф. дис. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2001. – 24 с.
2. Лэйн Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х – нач. 1850-х гг. // Лит.наследство. Т.97. Кн.1. – М., 1988. – С. 231-252.
3. Твардовская В.А. Тютчев в общественной борьбе пореформенной России // Литературное наследство. Т.97. Кн.1. – М., 1988. – С. 132-170.
4. Тютчев Ф.И. Незавершенный трактат «Россия и Запад» // Литературное наследство. Т. 97. Кн. 1. – М., 1988.
5. Тютчев Ф.И. Проблемы творчества и эстетической жизни наследия: сб. научн. трудов. М., 2006. – 640 с.
6. Тютчев Ф.И. ПСС в 6-ти томах. Сост. Б.Н. Тарасов. – М.: Издательский центр «Классика», 2003.
7. Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. – М., 1986. – 271 с.